

своей духовной тяжестью—самъ собою спасется, избавится отъ зла человѣческими личными усиліями, спасетъ и избавитъ весь міръ. Проста и непреложна была для него эта возможность внутренняго подвига святости отъ себя, возможность добыть чудесное „все“—изъ ничего. Но изъ цѣлаго комплекса маленькихъ, разумно-выговоренныхъ, трезвенныхъ, даже постныхъ „не“ не получится это его молчаливое, огромное „Да“. Человѣкъ самъ одинъ, въ гордомъ сиротствѣ своемъ, ничего не можетъ сдѣлать внѣ благодатной помощи свыше, безъ помощи чуда Божія въ немощи человѣческой совершаемаго. „Безъ Меня не можете дѣлать ничего“ (отъ Іоанна XV, 5).

Здѣсь мы подходимъ къ мучительно отвѣтственному, *сложному и страшному моменту религиозной психологii*. Какъ представляется мнѣ, величайшее искушеніе было въ духовномъ опытѣ Л. Н. Толстого, въ самомъ стремленіи его къ добру, и не въ религіи добра какъ ученіи, а именно въ опытѣ наживанія его, въ религиозно-добрыхъ чувствованіяхъ, въ самомъ этомъ хорошествѣ. Слишкомъ понятны, замѣтны и легко распознаваемы въ своихъ соблазнахъ *искушенія о злѣ*, но не такъ понятны, незамѣтны и мучительно трудно распознаваемы *искушенія о добротѣ*, а они бываютъ... Изъ всѣхъ возможныхъ видовъ искушеній самое, быть можетъ, страшное по своей соблазнительности для людей большого сердца, почти неуловимое по своей тонкости и сложности, именно это, странное на первый взглядъ, искушеніе о добротѣ; добромъ также можно соблазниться и соблазнить, какъ и зломъ. Вѣдь добрымъ быть такъ хочется, такъ заманчиво, радостно, и какое все-таки дерзновеніе въ этомъ человѣчески простомъ стремленіи. Въ дѣланіи добра „прелесть“ неощутимѣе, но тѣмъ страшнѣе. Подъ игомъ добра еще тяжелѣе и отвѣтственнѣе, чѣмъ подъ игомъ зла. И не случайно жизнь житейская, суровая и недовѣрчивая, всякими тяжестями придавленная, всякими связями связанная, такъ осудительно, испытующе строго оглядываетъ всякое незаурядъ доброе настроеніе, чистое устремленіе, необычно доброе начинаніе. И въ этой боязливой оглядкѣ не только рабскій страхъ сжившейся съ грѣхомъ, озлобившейся жизни, но и мудрость мозолистыхъ усилій, вытянутыхъ жилъ во всечеловѣческомъ, всенародномъ, всесвѣтномъ добываніи маленькаго, обыденнаго, зауряднаго добра. И всѣхъ святыхъ подвижниковъ на первыхъ шагахъ міръ встрѣчалъ этой недо-